

The background of the cover is a dark, atmospheric photograph of a narrow industrial tunnel. The walls are lined with numerous vertical pipes, some of which are covered in frost or ice. A single, bright green light fixture is mounted on the ceiling, casting a strong glow that illuminates the scene. The floor is dark and appears to be covered in some debris or snow. The overall mood is mysterious and suspenseful.

ПАЗЛ

детективный триллер

Мусоропровод

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Мусоропровод

<https://litres.ru/74662892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зимний Архангельск затянут колючим туманом, а в старой девятиэтажке на Поморской улице происходят вещи, которым нет объяснения. Обычный бытовой мусоропровод вдруг начинает жить пугающей, жуткой жизнью, пугая жильцов странными звуками и аномалиями. Независимый инженер Диана Кретова сталкивается с тем, что изнанка этого дома скрывает мрачные тайны, завязанные на события прошлого. Попытка разобраться в происходящем приводит её к череде опасных событий, где на кону стоит не только правда, но и сама жизнь. Кто управляет темными лабиринтами здания и почему старые стены так не хотят отпустить свои секреты?

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ОБРАТНАЯ ТЯГА	18
ГЛАВА 1	18
ГЛАВА 2	24
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мурат Карадениз

Мусоропровод

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Январь в Архангельске давил тридцатиградусным морозом. От речного порта и скованной метровым льдом Северной Двины на город напал густой, колючий туман. Он втягивался в дворы-колодцы, оседал белой бахромой на проводах и обжигал легкие при каждом вдохе. Электронное табло на козырьке круглосуточной аптеки на улице Поморской показывало 02:15. Четырнадцатое января 2026 года, на термометре — минус 32.

Улица вымерла. Ни одного случайного прохожего, ни одной машины с заиндеветыми стеклами — только из чугунных люков подземных теплотрасс вертикально вверх били густые столбы белого пара. Они мгновенно превращались в ледяную крупу и осыпались на укатанный до зеркального блеска наст.

Девятиэтажный панельный дом старой северной серии возвышался над соседними застройками массивной серой стеной. Его построили в середине восьмидесятых для работников речного пароходства: утолщенные плиты с керамзитобетоном, узкие окна подъездов, усиленные шахты коммуникаций. Сейчас дом спал. Все девять этажей шестого, крайнего от арки подъезда были погружены во тьму. Не гудел ста-

рый лифт, не шумела вода в чугунных трубах, не хлопали тяжелые двери на площадках. Лишь под самой крышей, за узкими щелями вентиляционных решеток технического этажа, едва уловимо дрожал воздух.

На глухом чердаке шестого подъезда стоял вязкий, стылый полумрак. Здесь пахло сухой известью, старым битумом и промерзшим бетоном. Потолок давил сверху низкими ребрами плит перекрытия — рослому человеку приходилось пригибать голову, чтобы не задеть торчащие куски арматуры и ключья посеревшей стекловаты.

На перевернутом деревянном ящике стоял тяжелый фонарь в желтом обрезиненном корпусе. Его переключили на самый слабый режим, чтобы свет не пробился наружу сквозь жалюзи слухового окна. Тусклый белый луч выхватывал из темноты лишь узкий круг пола, засыпанного шлаком, да кирпичную кладку вентиляционного блока, вплотную прижатую к вертикальному стволу мусоропровода.

У оголовка этой толстой асбестоцементной трубы стоял человек.

Определить его пол, возраст или комплекцию было невозможно. Фигуру с головы до пят скрывал просторный прорезиненный костюм химзащиты темно-болотного цвета —

точно такие комплекты десятилетиями хранились на складах гражданской обороны при ЖЭКах и предприятиях. Все швы были намертво проклеены широким черным скотчем, а штанины туго примотаны к высоким голенищам литых резиновых сапог с рифленой подошвой. Капюшон обтягивал панорамную маску промышленного противогаза с двумя круглыми фильтрами по бокам. Запотевшее по нижнему краю стекло скрывало лицо — в тусклом свете фонаря холодно поблескивали только глаза. Спокойные, внимательные, без малейшей суеты.

Поверх рукавов химзащиты были натянуты длинные, почти до локтей, сварочные краги из толстой грубой кожи горчичного цвета. Такие не проткнешь ржавой проволокой и не порвешь об острый край железного листа. Обычные перчатки оставили бы на заусенцах металла микроволокна и следы пота, а грубый коровий спилок краг, пропитанный машинным маслом и графитом, делал руки абсолютно анонимными.

Человек посмотрел на массивную стальную дверь, ведущую с чердака на лестницу девятого этажа. Изнутри между ригелем замка и бетонной коробкой был намертво вбит стальной клин. Снизу никто не поднимется. Случайных свидетелей в два часа ночи не будет.

Сделав шаг к стене, человек шумно выдохнул — резиновый клапан противогоза глухо щелкнул, выпустив в морозный воздух короткое облачко пара. Шлак под каблуками сапог сухо хрустнул.

Наклонившись к брезентовой сумке с инструментами, человек достал длинный Г-образный ключ. Его выковали вручную из цельного шестигранного прутка стали толщиной в два сантиметра. Длинное плечо заканчивалось квадратной головкой со стертыми от нагрузок гранями, а короткая рукоять была плотно обмотана черной изолентой.

Человек обошел ствол мусоропровода с обратной стороны, где труба почти вплотную подходила к бетонной стене лифтовой шахты. По старым чертежам за этой стенкой должна была находиться сплошная бетонная заливка. На деле же внутри стены проходил скрытый вертикальный колодец — сухой технический зазор шириной семьдесят сантиметров, пронизывающий дом насквозь от чердака до подвала.

На уровне пояса из кирпичной кладки торчала старая чугунная коробка с обрывками обрезанного кабеля. С виду — давно заброшенный узел советской проводки, покрытый вековой пылью и паутиной. Человек взялся грубыми пальцами за нижний край коробки и с усилием потянул её вверх.

Чугунный корпус бесшумно сошел со скрытых пазов. Под ним в толще стены открылось узкое квадратное отверстие, укрепленное вваренной стальной гильзой. Внутри, густо смазанный солидолом, блеснул торец вертикальной тяги. Эта стальная штанга уходила внутри межстенной пустоты на тридцать метров вниз — ко второму этажу, где в основной ствол мусоропровода был врезан потайной боковой рукав.

Человек примерился и до упора загнал квадратную головку ключа в гнездо. Металл глухо стукнул о металл.

Теперь требовалось самое главное — переключить стрелку. В обычное время тяжелая стальная заслонка на уровне второго этажа стояла вертикально вдоль стенки трубы, и весь бытовой мусор жильцов свободно летел сверху вниз, в уличный контейнер на первом этаже. Но стоило провернуть чердачный привод, как массивный стальной лист — переводной шибер — падал под углом. Он наглухо отсекал прямой путь к уличной камере и направлял всё, что летит сверху, в боковой отводной желоб, ведущий сквозь фундамент в старую угольную бойлерную под домом.

Человек шире расставил ноги на скользком полу, уперся левым плечом в кирпичный выступ и обеими руками навалился на рукоять ключа.

Загустевшая на морозе смазка внизу не поддавалась. Механизм сопротивлялся. Мощная пружина на втором этаже тянула заслонку обратно, стальной пруток выгнулся под руками, а прорезиненная ткань на спине натянулась со скрипом. Из-под маски вырвался глухой, прерывистый выдох.

Человек перенес на рычаг весь свой вес и надавил сильнее.

Внутри бетонной стены раздался низкий, протяжный скрежет трущегося железа. Рукоять медленно пошла вниз по часовой стрелке. Когда ключ провернулся ровно на пол-оборота, сработал стопорный зуб фиксатора, и далеко внизу, в темном чреве спящего подъезда, глухо ухнул металл.

Удар передался по бетонным плитам до самого чердака мелкой дрожью. Переводной шиббер на втором этаже лег на резиновый отбойник. Прямой ход в камеру был перекрыт.

Не вынимая ключа из гнезда, чтобы заслонка не сорвалась обратно при ударе сверху, человек разжал пальцы и повернулся к центру чердака.

В трех шагах от трубы, на куске прозрачной пленки, лежал длинный, тяжелый сверток из грубого брезента цвета хаки.

Его упаковали с холодной, расчетливой жесткостью. Плотная парусина была обернута вокруг груза в три слоя и в семи местах перетянута поперек широкими черными пластиковыми стяжками. Каждую стяжку затянули до предела — так, что пластик глубоко врезался в складки ткани, разделив полутораметровый кокон на бугристые перетяжки. Внутри угадывались очертания человеческого тела с подогнутыми к животу коленями и прижатыми к груди локтями: сверток специально сжали в тугой цилиндр шириной не больше полуметра, чтобы он прошел в шестисотую трубу.

У верхнего края упаковки брезент насквозь пропитался темной, густой влагой. В слабом свете фонаря пятно казалось почти черным, с липким маслянистым блеском. Кровь проступила сквозь грубую нитку еще двадцать минут назад, когда этот сверток на стальном тросе лебедки поднимали сюда по темному колодцу коллектора. На чердачном холоде ткань вокруг пятна уже успела задубеть, а на пленке застыли несколько темных капель.

Человек подошел к упаковке, взял стоявшую рядом бутылку с техническим ацетоном и тряпку. Открутил крышку — в морозном воздухе тут же ударил резкий химический запах — и обильно полил жидкостью стальные карабины подъемного троса, которыми сверток вытягивали из шахты. Тщательно протер металл, уничтожая любые возможные следы,

отстегнул крепления и убрал трос вместе с тряпкой в герметичный мешок.

Работа шла по плану. Оставалось последнее.

Верхний оголовок мусоропровода заканчивался чугуным раструбом. Выше него висел электродвигатель лебедки для прочистки ствола, а ниже, на уровне пояса, находился широкий ревизионный люк. В обычных домах такие дверцы делали маленькими, но здесь горловину еще при строительстве расширили до полуметра, закрыв массивной стальной крышкой на четырех откидных винтовых зажимах.

Человек взялся крагами за чугунные барашки и быстро ослабил резьбу. Петли и винты были обильно смазаны — металл пошел мягко, без единого писка. Откинув крепежные скобы, он ухватился за приваренную ручку, уперся ногой в кирпичную кладку и с силой потянул тяжелую дверцу на себя.

Толстая резиновая прокладка с глухим чмокающим звуком оторвалась от фланца. Черная пасть шахты распахнулась.

В ту же секунду из открытого жерла трубы наружу ударил плотный, горячий поток воздуха.

По законам физики воздух с холодного чердака должен был со свистом втягиваться внутрь. Но в этом доме всё работало наоборот. Снизу, из глубины перекрытого шибером ствола, как из раскаленного дымохода подземной топки, валил густой жар.

В стекло противогАЗа ударило душным смрадом каленого железа, солярки, ацетона и чего-то сладковато-приторного, пахнущего паленой кожей и старым мясом. От резкого перепада температур линза маски мгновенно запотела белой пеленой, а на чугунных краях люка выступил крупный конденсат.

Человек спокойно провел крагой по стеклу, стирая влагу, и вернулся к брезентовому свертку.

Поднять в одиночку восемьдесят с лишним килограммов неподатливого груза на высоту пояса в костюме химзащиты было тяжело. Опустившись на одно колено, человек просунул руки под свертки, ухватился за стяжки и, выпрямляя спину, с глухим рычанием оторвал ношу от пола. Переступая короткими шагами, он подтащил кокон вплотную к стволу.

Внутри туго спеленутого брезента что-то глухо и тяжело перевалилось. Остановившись на секунду, человек выров-

нял дыхание и резким толчком бедра подбросил верхний, окровавленный край свертка, уложив его на стальной бортик люка.

Груз глухо ударился о металл. Острая кромка фланца тут же прорезала верхний слой промерзшей парусины, обнажив под ней кусок серой рабочей телогрейки, насквозь мокрой от темной крови.

Не теряя ни секунды, человек перехватил нижний конец свертка, где угадывались стянутые хомутами ботинки, и поднял его на уровень груди. Теперь тяжелый кокон лежал горизонтально. Снизу продолжал бить горячий, вонючий ветер. Набрав в грудь воздуха, человек с размаху отправил сверток вперед — в черную вертикальную пропасть.

Тугой брезентовый мешок со скрежетом проскользнул сквозь чугунное кольцо и камнем ушел вниз.

Первые две секунды из люка доносился только тугой гул рассекаемого воздуха и частый треск пластиковых хомутов, бьющихся о стыки трубы. Ствол работал как ствол гигантского орудия, в котором тяжелый груз летел сквозь этажи. Девятый этаж, восьмой, седьмой, шестой... Ни в одной квартире за стеной никто не проснулся. Пятый, четвертый, третий...

И тут далеко внизу, на отметке второго этажа, раздался страшный, пушечный удар металла о металл.

Грохот был такой силы, что по всей высоте трубы до самого чердака прошла вибрация. Падающий груз на полном ходу врезался в наклонную стальную плиту переводного шибера. Ключ на чердаке резко дернулся в пазу, выбив сноп искр, но заслонку не сорвало.

Человек у открытого люка замер, наклонившись к черной дыре. Он ждал второго удара — звука того, как сверток соскользнет по наклонному рукаву вниз, в подземный бункер.

Но второго удара не было.

Широкий сверток намертво заклинило в узком колене между основным стволом и боковым отводом.

На секунду внутри шахты повисла мертвая тишина. Слышно было лишь, как сквозь зазоры со свистом прорывается горячая тяга из подвала.

А в следующее мгновение из темного чрева трубы вверх взлетел сухой, резкий щелчок лопнувшей пластиковой стяжки.

Брезент далеко внизу тяжело шевельнулся. И следом из глубины шахты прямо в лицо стоящему наверху человеку ударил жуткий, булькающий, захлебывающийся звук. Кто-то живой, замурованный в окровавленный кокон в крошечной тьме между этажами, судорожно втянул ртом раскаленный воздух и издал низкий, надрывный стон.

Стон оборвался кашлем, и тут же снизу донесся отчаянный скрежет — человек внутри трубы пытался разодрать брезент и вслепую скреб пальцами по стали, срывая ногти в мясо.

Фигура на техническом этаже не дернулась и не отступила ни на шаг. Две долгие секунды человек в противогазе неподвижно смотрел в черную горловину люка, откуда продолжали доноситься глухие удары локтей о стенки трубы и влажное хриплое клокотание. Затем он спокойно протянул руку, с лязгом захлопнул тяжелую чугунную дверцу, задвинул засов, закрутил все четыре винтовых барашка и одним нажатием кнопки выключил фонарь, погружая чердак в абсолютную ледяную темноту

ЧАСТЬ 1. ОБРАТНАЯ ТЯГА

ГЛАВА 1

Вечер четырнадцатого января в Архангельске принес с собой новое, жестокое усиление арктического мороза. На улице стояло ровно минус тридцать два градуса по шкале Цельсия, и замерзшие окна подъезда в доме номер сорок четыре по улице Поморской затянуло изнутри толстыми, причудливыми, похожими на папоротники узорами льда, которые не оттаивали даже в дневные часы. В шестом подъезде экспериментальной девятиэтажной панельной застройки стояла гулкая, звенящая тишина, в которой каждый посторонний звук казался неуместным и громким. Лифт со скрипом и скрежетом тросов замер где-то на верхних этажах, застав в шахте из-за скачка напряжения в квартальной сети, а старые чугунные батареи отопления на лестничных площадках едва теплились, совершенно не справляясь с пронизывающим ледяным сквозняком, который уверенно пробивал разохшиеся щели и уплотнители входных дверей.

Диана Кретьева вставила тяжелый английский ключ в замочную скважину своей квартиры номер двадцать восемь, провернула его дважды с привычным глухим щелчком и тя-

жело, устало выдохнула. Ей только что исполнилось тридцать пять лет, и большую часть из них она сознательно отдала строительству, проектированию и техническому надзору за сложными объектами. Независимый инженер по обследованию зданий и сооружений — профессия суровая, которая не терпит иллюзий, слепой веры в чужие слова или поверхностного отношения к деталям. За долгие годы работы на строительных площадках и аварийных объектах Севера Диана привыкла оценивать любое помещение не глазами обывателя, а по звуку резонанса в несущих железобетонных перекрытиях, состоянию межпанельных швов и направлению воздушных потоков в вентиляционных каналах. Отец, отработавший всю жизнь крановщиком на башенных кранах в архангельских морских и речных портах, с детства вбивал ей в голову простое, непреложное правило: любой механизм, любая бетонная коробка, любой жилой дом всегда издадут особый, скрытый от посторонних ушей звук или подадут четкий сигнал задолго до того, как рухнут или дадут критическую трещину. «Слушай стены, дочка, они никогда не врут, в отличие от прорабов и чиновников», — говаривал он вечерами, счищая мазут с рук и поправляя замасленный воротник своей старой фуфайки.

В узкой прихожей квартиры пахло остывшим растворимым кофе, сухим осадком городской пыли и прохладным морозным воздухом, который неизменно протягивало снизу

из подъезда. Диана аккуратно переложила связку ключей на потертую тумбу, сняла тяжелую пуховую куртку, чувствуя, как затекли плечи, и бросила тяжелый взгляд на плотный черный полиэтиленовый пакет для бытового мусора, стоявший возле обувной полки. На кухне задерживаться совершенно не хотелось — сегодняшний день выдался на редкость изнурительным и вымотал все душевные силы. На крупном строительном объекте по обследованию старых складских ангаров в портовой зоне Маймаксы из-за тридцатиградусного мороза напрочь замерзли и отказали электронные измерительные приборы, ультразвуковой толщиномер выдавал сплошные погрешности, а левая голень, сломанная четыре года назад при страшном обрушении перекрытия на портовом элеваторе, непрерывно ныла на резкую смену погоды тупой, сверлящей, глубокой болью в кости.

Она с усилием приподняла пакет за плотные пластиковые ручки, поморщившись от внезапного укола в ногу, и толкнула входную дверь наружу, выходя в полумрак лестничной площадки седьмого этажа. Здесь было едва ли теплее, чем на улице — пар от дыхания мгновенно оседал белым облаком под потолком. Массивная железная ручка загрузочного ковша мусоропровода покрылась толстым слоем белого инея и неприятно холодила ладонь сквозь тонкую трикотажную перчатку. Диана привычным, отточенным движением потянула заслонку на себя, собираясь быстро избавиться от му-

сора и вернуться в прогретое помещение своей квартиры. По всем законам строительной физики и проектным нормативам, заложенным в устройство этих домов еще в середине восьмидесятых годов, вертикальный ствол мусоропровода должен работать как мощная вытяжная шахта. Холодный воздух с лестничных маршей и технических помещений подвала обязан с силой засасываться внутрь открытого зева загрузочного клапана и улетать наверх, на крышу, увлекая за собой любые запахи и испарения.

Но едва стальной ковш подался вперед, открывая темный проем, произошло то, чего по законам физики происходить было просто не должно.

Из открывшейся пасти трубы прямо в лицо Диане ударила мощная, удушливая волна раскаленного, почти обжигающего воздуха. Ошеломленная столь резким, неестественным перепадом температур, она инстинктивно качнулась назад, зажмурившись от едкого пара. В нос и горло мгновенно ударил тяжелый, сложный химический букет: резкий запах технического ацетона, свежего машинного масла и отчетливый, неприятный душок паленой человеческой кожи. Раскаленный воздух из шахты шел не внутрь, на улет, а мощно пер наружу, сбивая с ног своей неестественной, почти печной жарой в ледяном подъезде.

Сердце в груди кольнуло нехорошим, тревожным предчувствием. Профессиональный инженерный инстинкт сработал мгновенно, на уровне подсознания отсекая и усталость после тяжелого дня, и тупую боль в сломанной четыре года назад ноге.

Диана не стала медлить или стоять в растерянности. Она резким движением закинула тяжелый черный пакет внутрь открытого приемного ковша и с силой захлопнула стальную крышку, дожав её до характерного металлического щелчка.

По законам нормальной проходимости и свободного падения её бытовой пакет должен был со свистом улететь по гладкой трубе на самый первый этаж, глухо шмякнувшись о дно пустого выкатного контейнера. Но прошли секунда, вторая... Никакого звука падения снизу не донеслось. Вместо этого где-то на уровне середины дома, на верхних пролетах нижней части стояка, раздался глухой, мягкий шлепок — пакет словно наткнулся на неожиданную преграду и повис в пустоте.

Диана замерла у стены. Совершенно забыв про пронизывающий холод площадки, она прижалась правым ухом к холодному, едва заметно вибрирующему металлу вертикального ствола трубы.

Внутри шахты стояла жуткая, неестественная для исправного жилого здания акустика. Металлическая труба гудела, словно натянутая под огромным напряжением тугая басовая струна концертного инструмента. И сквозь этот низкий гул, прямо из темных недр межэтажного пространства, снизу из шахты отчетливо донесся сухой металлический лязг — будто кто-то с усилием сдвинул тяжелую стальную задвижку. А следом за этим лязгом, различимый сквозь толщу бетона, штукатурки и железа, из недр трубы вырвался сдавленный, хриплый мужской кашель.

ГЛАВА 2

Диана резко отпрянула от металлического ствола мусоропровода, словно обожглась о раскаленный маховик. Холодный сквозняк с лестничной площадки прошелся по спине колючими мурашками, но внутри всё словно сжалось от внезапного осознания чужеродности происходящего. В подъезде по-прежнему стояла гулкая, мертвая тишина, нарушаемая лишь далеким завыванием ветра за двойными рамами окон на лестничной клетке. Не раздумывая больше ни секунды, она вставила ключ в замок собственной квартиры номер двадцать восемь, стремительно шагнула внутрь и с глухим, тяжелым стуком захлопнула стальную дверь за своей спиной.

Пальцы действовали автоматически, нарабатываемый годами рефлекс срабатывал без сбоев. Она провернула ключ в основном замке на два полных оборота до характерного щелчка ригелей, затем до упора задвинула тугую ночную задвижку, блокируя полотно в раме. Прислонившись плечом к прохладному металлу двери, Диана затаила дыхание, прислушиваясь к звукам в прихожей. В квартире царил привычный полумрак, пахло сухим воздухом от работающих на полную мощность биметаллических радиаторов и остывшим кофе в чашке на столе.

Но здесь было тихо. Слишком тихо для того, что только что происходило в нескольких сантиметрах за стеной, на лестничной клетке.

Лёгкая, но настойчивая боль в левой голени тут же напомнила о себе тугим, сверлящим пульсированием. Четыре года назад, во время страшного обрушения железобетонного перекрытия на реконструкции старого портового элеватора, она чудом осталась жива, но получила сложный перелом левой голени с повреждением надкостницы. Врачи тогда собирали кость по кусочкам, устанавливая титановые пластины и стержни, которые напоминали о себе каждый раз, когда за окном трещал суровый северный мороз. В такие дни, как сегодня, когда столбик термометра заваливался далеко за минус тридцать, кость внутри ноги начинала ныть так, будто её крутили на невидимых тисках. Ей приходилось преодолевать неприятную хромоту, слегка привлекая левую ногу при каждом шаге, но Диана принципиально никогда не пользовалась тростью, считая это проявлением слабости, и никогда не принимала сильные обезболивающие препараты. Она прекрасно знала, как любые фармакологические анальгетики притупляют реакцию, рассеивают внимание и замедляют координацию движений, а на её сложных инженерных объектах, где малейшая ошибка в расчетах или невнимательность могли стоить жизни, ясность ума и абсолютная точность реакций были единственной гаранти-

ей выживания.

Сделав над собой усилие и перетерпев очередную волну ноющей боли в кости, Диана прошла вглубь квартиры, не зажигая верхнего света в комнатах. Узкий коридор освещался лишь полоской желтоватого света от уличного фонаря, проникающего сквозь кухонное окно. Пройдя мимо вешалки, она сбросила тяжелые ботинки и уверенным шагом направилась прямо в узкую кладовую, расположенную в самом конце квартиры.

Эта небольшая хозяйственная ниша имела одну архитектурную особенность, которая сразу привлекла её внимание ещё при покупке квартиры полгода назад. Задняя стена кладовой, сложенная из старых гипсоцементных плит, граничила непосредственно с вертикальной шахтой общедомового мусоропровода и вентиляционным коробом всего стояка. Если в подъезде или внутри коммуникаций происходили какие-то технологические сдвиги, здесь, у этой стены, они отзывались громче всего, работая как акустический резонатор.

Она перешагнула через порог кладовой, заставленной коробками с инструментом, рулонами обоев и банками с грунтовкой, и замерла у дальней стены.

Там, за тяжелым металлическим стеллажом, заваленным

перфораторами, лазерными уровнями и мотками кабеля, отчетливо слышался странный, непрекращающийся звук. Это был сухой, надсадный скрежет, похожий на то, как будто кто-то внутри бетонной панели с усилием тянет тугой стальной трос по заклинившему металлическому блоку. Звук шел не из самой квартиры, а из толщи стены — глухой, механический, сопровождаемый еле уловимой вибрацией, передающейся через подошвы тапочек прямо в пол. Кто-то или что-то находилось внутри скрытого пространства за гипсобетонной перегородкой.

Диана нахмурилась, приложив ладонь к холодной поверхности стены. Вибрация была реальной, не плодом разыгравшегося воображения. Рука ощущала, как внутри дома работает какой-то скрытый, мощный механизм, о существовании которого не было ни слова в проектной документации дома.

Развернувшись, она быстрым шагом вышла на кухню, где в углу под навесными шкафами располагался короб вентиляционной шахты. Намереваясь проверить тягу воздуха, о которой думала еще на лестнице, она поднесла к металлической решетке вентиляции зажженную газовую зажигалку.

Пламя не качнулось внутрь, как это должно было быть в исправно работающем доме с нормальной вытяжкой. Огонек резко лег горизонтально, вытянувшись в сторону комнаты,

словно невидимая рука с силой выталкивала воздух из вентканала наружу. Тяга в квартире была полностью опрокинута. Система вентиляции работала на приток, нагнетая внутри жилых помещений тяжелый, затхлый дух подвала и технического этажа.

Одновременно с этим из мелких щелей вокруг вентиляционной решетки на чистый линолеум кухни посыпалась тонкая, сухая серая сыпь — мелкая шлаковая пыль и крошки старой минеральной изоляции, выдуваемые мощным воздушным потоком из межстенных пустот.

Профессиональный разум инженера лихорадочно выстраивал логическую цепочку. Опрокинутая тяга в вентканалах, раскаленный воздух и химический смрад из ствола мусоропровода, металлический скрежет троса в стене кладовой — всё это указывало на то, что вся инженерная система шестого подъезда была искусственно переведена в какой-то аварийный, чужеродный режим. Кто-то целенаправленно управлял потоками воздуха и движениями внутри вертикальных шахт дома.

Диана решительно развернулась, собираясь немедленно добраться до причины этой аномалии. Она вернулась в темную кладовую, протянула руку к верхней полке стеллажа и нащупала там тяжелую крестовую отвертку со сменными на-

садками, намереваясь открутить шурупы и снять вентиляционную решетку, чтобы заглянуть внутрь шахты своими глазами.

Но в этот самый миг тишину квартиры разорвал оглушительный звук.

В узкой прихожей, прямо за дверью ванной и вешалкой, раздался один короткий, страшный по своей силе пушечный удар в её входную стальную дверь. Звук был настолько мощным, что массивное металлическое полотно гулко содроглось в раме, а висящие на крючках ключи зазвенели в унисон.

Диана выронила отвертку на пол кладовой, от неожиданности шагнув назад и едва не оступившись на коробках с инструментами. Боль в поврежденной голени прострелила резкой вспышкой, но она даже не обратила на это внимания.

Словно подброшенная пружиной, она вылетела из кладовой в темную прихожую, бросившись к входной двери. Сердце бешено колотилось в горле, отсчитывая удары громче стука молотка. Рука дрожащими пальцами ухватилась за корпус металлического глазка.

Она прижалась глазом к круглой линзе, вглядываясь

в тускло освещенное пространство лестничной площадки седьмого этажа.

Прямо перед её дверью, у заброшенного загрузочного ковша мусоропровода, никого не было. Пустой лестничный пролет уходил вверх и вниз в зловещем полумраке. Но едва она успела это заметить, как мощная дежурная лампа на потолке площадки издала короткий электрический треск, мигнула желтоватым светом и полностью погасла, погрузив весь седьмой этаж в абсолютную, непроглядную темноту.

ГЛАВА 3

Секунду Диана стояла в абсолютной темноте узкой прихожей, прижавшись лицом к холодному гладку входной двери и прислушиваясь к зловещей, звенящей тишине обесточенной площадки седьмого этажа. Лампа над мусоропроводом погасла не сама по себе — перегореть одновременно со странным глухим ударом в металл она никак не могла. Кто-то целенаправленно щелкнул выключателем в распределительном щитке на техническом этаже или выкрутил лампу, отрезая свет по всему подъездному стояку, чтобы погрузить пространство во тьму.

Боль в левой ноге вновь напомнила о себе резким, обжигающим уколом прямо в титановый стержень, но паника — липкая, парализующая разум и сковывающая движения паника, к которой так легко привыкают слабые люди, — обошла её стороной. После страшной гибели младшего брата Павла на рухнувшем портовом элеваторе она усвоила жесткий, нерушимый жизненный закон: при любой внешней угрозе эмоции отключаются мгновенно, без права на апелляцию. Руки должны делать две вещи — фиксировать улики и вооружаться тем, что есть под рукой. В условиях жесткой северной действительности суэта убивала быстрее любой арматуры.

Она бесшумно отпрянула от двери, не включая верхний свет в квартире, чтобы не выдавать своего присутствия через оконные проемы. Наощупь достав из нижней полки для обуви тяжелый тридцатисантиметровый газовый ключ с закаленными губками — весившую больше двух килограммов железяку, способную переломать пальцы или проломить череп любому незваному гостю, — она засунула в карман домашней куртки прочный металлический фонарь с массивным ударным торцом. Действовать нужно было хладнокровно и без предупреждения. Нападавший наверняка ждал, что она испуганно затаится внутри за запертыми замками или забьется в угол от страха.

Диана бесшумно сбросила собачку замка, резко потянула тяжелое полотно на себя и распахнула стальную дверь настежь.

Луч тактического фонаря ударил в темноту лестничной площадки, выхватывая из мрака обледеневшие стены, хлопья старой побелки и пустой ствол мусоропровода.

Там было абсолютно пусто. Ни шороха, ни дыхания, ни скрипа чужих ботинок — лишь монотонный гул лифтового мотора где-то внизу, в шахте первого этажа. Но прямо перед её порогом, аккуратно посередине чисто вымытого резино-

вого коврика, стоял тот самый черный пластиковый пакет с бытовым мусором, который она сбросила в трубу двадцать минут назад.

Пакет вернулся. Плотный черный полиэтилен был аккуратно вспорот сбоку ровным вертикальным разрезом, сделанным острым лезвием. Мусор внутри не вывалился неряшливой кучей — его раздвинули бережно и аккуратно, освобождая пространство для чего-то чужеродного.

Диана присела на корточки, прихрамывая на больную ногу, и посветила внутрь лучом фонаря. Среди кофейной гущи и пластиковых коробок лежал странный сверток, завернутый в грязный кусок промасленной ветоши. От него разило сыростью и старым мазутом.

Подхватив пакет, она втащила его в прихожую, заперла оба замка на надежный засов и вывалила содержимое на газету, расстеленную под ярким светом кухонной лампы. Пинцетом она развернула заскорузлую тряпку.

На бумагу выкатились три пугающие вещи:

Отсеченная верхняя фаланга указательного пальца правой руки в обрывке синей прорезиненной перчатки.

Старый латунный жетон с выбитым клеймом «ТК-7».

Тяжелый трехгранный стальной ключ от ревизионных люков.

Кто-то в этом доме не просто играл с ней в опасные прятки. Ей передавали прямую, недвусмысленную метку.

Диана выпрямилась, опираясь рукой о край кухонного стола, и внимательно всмотрелась в мерцающие под лампой детали. Холодный металл жетона с гравировкой «ТК-7» казался непривычно тяжелым для своего размера. Цифры и буквы были выбиты глубоко, грубым ручным кернением, характерным для заводских инструментальных кладовых советского периода. Этот жетон предназначался не для случайных глаз — он служил пропуском или ключом к какой-то закрытой зоне, существование которой тщательно скрывалось в строительной документации здания. Трёхгранный стальной ключ дополнял картину, идеально соотноситься с размерами замочных скважин на ревизионных люках подвала и технических этажей.

Она подцепила пинцетом обрывок синей резиновой перчатки, на внутренней стороне которой сохранились следы въевшейся технической смазки и мелкие серебристые чешуйки графита. Такие перчатки выдавали только рабочим аварийно-ремонтных бригад, обслуживающих тепловые узлы и лифтовое хозяйство. Исчезновение рабочего ТСЖ Ма-

рата Сайфуллина, о котором говорила соседка Швед, переставало быть случайностью. Марат сорвался не просто так — он полез туда, куда лезть не следовало, и теперь его палец лежал перед ней на кухонном столе как предупреждение для любого, кто попытается копать в изнанке этого дома.

Мысли лихорадочно выстраивали причинно-следственные связи. Опрокинутая тяга в вентиляции, раскаленный воздух из ствола мусоропровода, заблокированный шибер на втором этаже и скрытый межстенный коллектор, обнаруженный по чертежам, — всё это складывалось в единую, безупречно работающую инженерно-криминальную систему. Дом сорок четыре по улице Поморской не был обычным жилым объектом. Он представлял собой замкнутый организм со своей тайной инфраструктурой, скрытой за фальш-стенами и железобетонными панелями.

Необходимо было действовать хладнокровно, методично фиксируя каждый шаг. Диана взяла со стола смартфон, стараясь не задеть улики, и сделала серию детальных макроснимков жетона, ключа и фаланги при дневном свете настольной лампы, создавая дубликаты файлов в защищенном облачном хранилище. Если полиция в лице майора Рудина попытается изъять улики без протокола, как она уже делала утром, у неё останется цифровая копия.

Затем она подошла к окну кухни, осторожно отодвинув край занавески. Во дворе дома по-прежнему царила мертвая январская ночь. Фонари освещали занесенные снегом скамейки и редкие силуэты припаркованных машин. Никаких подозрительных фигур у подъезда не наблюдалось, но это не означало безопасности. Напротив, тишина была обманчивой. Тот, кто оставил пакет у её порога, находился совсем близко — возможно, этажом выше или ниже, наблюдая за её окнами из темноты нежилых квартир.

Диана вернулась к столу, аккуратно ссыпала бытовые отходы обратно в разорванный пакет, а найденные улики убрала в герметичный пластиковый контейнер для лабораторных проб, который всегда возила в своем рабочем саквояже. Контейнер она задвинула на самую дальнюю полку сейфа в углу комнаты, куда убрала и чертежи.

Сон пропал окончательно. Взглянув на настенные часы, показывающие половину третьего ночи, она поняла, что до рассвета осталось всего несколько часов. Ждать утра в бездействии было нельзя. Система внутри дома продолжала жить своей жизнью, и если она не опередит тех, кто держит в руках рычаги этого здания, следующая метка окажется куда более страшной.

ГЛАВА 4

В небольшой кухне квартиры номер двадцать восемь стояла абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь размеренным и глухим гудением компрессора холодильника в углу. Яркий свет потолочного светильника падал на разложенную на газете утварь, выхватывая из полумрака тусклый блеск старой латуни и белизну пластикового контейнера. Диана стояла у стола, чувствуя, как внутри нарастает холодная, собранная сосредоточенность, вытесняющая любые остатки растерянности или страха. Ситуация перешла ту черту, за которой заканчиваются сомнения и начинаются жесткие, прагматичные действия.

Она переехала в этот дом на улице Поморской ровно полгода назад, привлеченная относительно недорогой ценой вторичного жилья и удобным расположением в самом центре старого Архангельска. Девятиэтажное здание, возведенное в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году по специальному северному проекту для работников речного пароходства, с первого дня показалось ей крепким, основательным образцом советского панельного домостроения. Еще тогда, при осмотре пустой квартиры перед покупкой, её профессиональный взгляд инженера-строителя зацепился за одну любопытную деталь: межквартирные перегородки в зоне

санузлов, ванной комнаты и хозяйственных кладовых имели нестандартно, избыточно большую толщину. Покрутившись с рулеткой, она тогда легкомысленно списала это на особенности советской нормативной базы по звукоизоляции и усиленной теплозащите торцевых секций, рассчитанных на постоянные арктические ветра. Сейчас, глядя на лежащий перед ней латунный жетон с шифром «ТК-7», она с горькой иронией поняла, какую именно «теплоизоляцию» прятали строители внутри этих толстых бетонных массивов.

Не тратя времени на раздумья, Диана взяла со стола смартфон, открыла камеру и сделала серию четких макроснимков всех трех улик со вспышкой: отсеченной фаланги в обрывке перчатки, потемневшего от времени жетона и тяжелого трехгранного ключа. Все файлы тут же ушли в зашифрованное облачное хранилище, создавая надежную цифровую копию на случай, если оригиналы загадочным образом исчезнут. Затем она аккуратно, используя медицинский пинцет, переложила фалангу и жетон в герметичный пластиковый лабораторный контейнер с плотной резбовой крышкой, а стальной трехгранный ключ бросила в глубокий карман своей рабочей куртки.

Первым логичным шагом в этой ситуации был официальный звонок в правоохранительные органы. Диана разблокировала экран телефона, нашла экстренный номер и уверенно

нажала кнопку вызова полиции, поднеся динамик к уху.

Вместо привычных гудков вызова в динамике раздался лишь сплошной, нарастающий скрежет и резкое электронное шипение. На экране шкала уровня сотовой связи мгновенно упала с полных делений в ноль, а значок сети сменился переречеркнутым кругом. Попытка повторить вызов результатов не принесла: сотовая связь в квартире глушилась мощными, направленными импульсными помехами, исходящими откуда-то извне. Кто-то позаботился о том, чтобы отрезать её от внешнего мира, лишив возможности вызвать экстренные службы или связаться с коллегами. Связь в доме была надёжно заблокирована на уровне всего стояка.

Оставаться пассивной мишенью в запертой квартире Диана не собиралась. Если полиция недоступна снаружи, значит, придется искать ответы внутри самого здания, опираясь исключительно на собственные знания, инженерный опыт и инструменты.

Она быстро прошла в прихожую, натянула поверх теплых носков высокие рабочие кроссовки с толстой нескользящей подошвой, набросила на плечи плотную куртку с множеством карманов и проверила крепление тактического налобного фонаря на лбу. В левый карман куртки лег тот самый найденный трехгранный ключ, в правый — компактный, но

мощный гвоздодер-фомка длиной около сорока сантиметров, незаменимый инструмент при вскрытии заклинивших технологических люков. Руки уверенно легли на снаряжение, движения были выверенными и четкими, как на любом другом аварийном объекте.

Выходить через общую парадную дверь шестого подъезда, где наверняка дежурил кто-то из невидимых наблюдателей, было рискованно. Но в каждом подобном доме имелся второй, вспомогательный путь — черная хозяйственная лестница, ведущая напрямую к мусороприемной камере на первом этаже и к уличной двери технического назначения, которой пользовались дворники и коммунальщики.

Диана бесшумно отперла замки своей квартиры, приоткрыла стальное полотно и прислушалась. На лестничной площадке седьмого этажа по-прежнему царила кромешная тьма и мертвая тишина; разбитая лампа над лифтом не горела, а воздух был пропитан холодом и легким запахом сырого бетона. Стараясь ступать мягко и бесшумно, стараясь не нагружать травмированную ногу резкими движениями, она начала спуск по бетонным ступенькам вниз, минуя шестой, пятый, четвертый и следующие этажи.

С каждым пролетом температура воздуха вокруг ощутимо падала, а запах сырости сменялся тяжелым душком под-

вала, мазута и хлорсодержащих технических растворов. Наконец, ступени закончились, оперевшись в глухую бетонную площадку первого этажа, где располагалась массивная стальная дверь мусороприемной камеры, имевшая отдельный выход прямо на улицу, во внутренний двор дома.

Диана остановилась в шаге от двери, прислушиваясь к звукам изнутри помещения. Никаких голосов, никакого шума. Лишь монотонно гудела где-то в глубине фундамента трансформаторная подстанция.

Она протянула руку и осторожно нажала на тяжелую железную ручку двери. К ее удивлению, замок не был заперт на ключ — язычок защелки поддался с мягким щелчком, и тяжелое полотно приоткрылось внутрь на несколько сантиметров, впуская наружу густую волну специфического воздуха.

В лицо Диане ударил резкий, до рези в глазах удушливый запах концентрированной хлорки, смешанный с въевшимся запахом старых отходов и сырой штукатурки. Кто-то щедро залил помещение хлорным раствором, пытаясь перебить органические запахи и уничтожить любые следы биологической активности.

Диана включила налобный фонарь, и яркий сфокусированный луч белого света разрезал полумрак мусороприем-

ной камеры.

Помещение представляло собой небольшое прямоугольное пространство площадью около шести квадратных метров со светлыми кафельными стенами советского образца. Прямо по центру стоял большой металлический выкатной контейнер для мусора на колесиках. Но самое удивительное бросалось в глаза мгновенно: контейнер был абсолютно пуст, идеально вымыт до блеска и сырых металлических разводов, на дне не валялось ни единой соринки или бумажки. А прямо над ним нависал нижний раструб вертикального ствола мусоропровода, уходящий в потолок.

Диана шагнула внутрь камеры, плотно прикрыв за собой уличную дверь, и направила луч фонаря на вертикальный желоб.

Тот самый массивный стальной шибер — переводная за-слонка, о которой она читала в чертежах и следы работы которой видела на чердаке, — находился в закрытом положении. Толстый стальной лист был наглухо перекрыт выдвижной задвижкой, блокирующей сброс мусора в уличный контейнер и направляя всё содержимое верхних этажей в обход, в тот самый потайной отвод, уходящий под фундамент здания.

Она подошла ближе к выкатному контейнеру, намереваясь осмотреть крепежные элементы заслонки, но её взгляд случайно упал на темный угол пола прямо под колесом металлического бака.

Луч фонаря выхватил из тени пару круглых стекол в тонкой металлической оправе. Линзы были покрыты паутиной трещин, а на дужке и на самом кафеле под ними отчетливо темнели бурые, запекшиеся пятна человеческой крови.

Диана резко присела на корточки, вглядываясь в находку. Это были очки с толстыми диоптрийными линзами в характерной старой оправе — точно такие же очки постоянно носил пятидесятилетний рабочий ТСЖ Марат Сайфуллин, доброжелательный и тихий мужчина, обслуживающий их шестой подъезд. На стеклах застыла кровь, а рядом на полу валялась оторванная пуговица от синей рабочей спецовки.

Холодная волна липкого страха на мгновение обожгла спину, но разум инженера уже анализировал картину преступления. Марат не просто уволился и уехал, как утверждал председатель Сафонов. Его зачистили здесь, в этой камере, прямо под стволом шахты.

И в этот самый момент, когда тишина камеры казалась

особенно зловещей, за спиной Дианы раздался оглушительный, металлический грохот. Тяжелая уличная дверь мусорокамеры захлопнулась с такой силой, будто её с размаху толкнули снаружи. Раздался металлический скрежет, и тяжелый стальной засов со звонким стуком упал в пазы, наглухо блокируя выход снаружи.

Диана бросилась к двери, в отчаянии дернув за ручку, но та даже не шелохнулась. Она оказалась заперта в бетонном мешке, наполненном едким запахом хлорки, в полном одиночестве, с заклиненным шиббером над головой и очками убитого работяги под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.